

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И небеса твои, которые над головою
твоею, сделаются медью, и земля
под тобою — железом. Поразит тебя
Господь сумасшествием, слепотою
и оцепенением сердца!

«Второзаконие», 28–23–23

I

Четыре с половиной года не видал я этого дома с белыми колоннами и фронтоном, украшенным строгой лепкой, которые придавали ему суровый облик дворца правосудия. И вот теперь, возвратившись сюда, я вновь увидел этот дом, знакомую мебель и все вещи на прежних местах, и у меня появилось почти тягостное ощущение, что время повернуло вспять. Тот же занавес густого винного цвета, тот же фонарь и пустая клетка возле вьющегося розового куста. Чуть поодаль — вязы, те самые вязы, которые появились здесь с моей помощью давным-давно, в незапамятные времена, когда мы, еще охваченные энтузиазмом, трудились все вместе. Каменная скамья возле корявого ствола, та скамья, по которой я как-то раз ударил каблуком, и она издала глухой деревянный звук. А дальше — тропинка к реке, окаймленная карликовыми магнолиями, и еще дальше — причудливая ре-

щетчатая калитка в новоорлеанском стиле. Как и в тот первый вечер, я прошел сквозь колоннаду, вслушиваясь в гулкое эхо собственных шагов, пересек кулису, торопясь туда, где толклись, разбившись на группки, клейменные железом рабы, амазонки с перекинутыми через руку шлейфами и раненые солдаты, оборванные и кое-как перевязанные; каждый ожидал своего выхода в сумерках, пропахших прелым войлоком и старыми пропотевшими мундирами. Я вовремя вышел из полосы света, потому что как раз в этот момент прозвучал выстрел, и сверху, с колосников, на сцену упала птица. Послышалось шуршание кринолина — я стоял, загоразживая узкий проход, по которому моя жена торопливо выходила на сцену. Чтобы не мешать, я прошел в ее уборную, и только тогда все снова стало на свое место и время потекло своим чередом, потому что здесь все говорило о том, что за четыре с половиной года многое разбилось, потускнело или увяло. Кружева, которые она надевала для финальной сцены, словно покрылись серым налетом, а черный атлас для сцены бала утратил ту упругость, благодаря которой при каждом реверансе он шуршал, точно ворох сухих листьев. Даже стены поблекли там, где их чаще касались, и на них появились следы, оставленные гримом, увядшими цветами и постоянными переодеваниями. Сидя на диване, превратившемся за это время из голубовато-зеленого в зеленый цвета плесени, я думал о том, каким тягостным стало для Рут ее заточение на подмостках, со всеми этими подвесными задниками, паутиной веревок и фанерными деревьями. В дни премьеры этой трагедии, повествующей о войне между Севером

и Югом, помогая юному автору, мы считали, что эта авантюра — в спектакле были заняты актеры, только что вышедшие из экспериментального театра, — продлится самое большее двадцать вечеров. Но теперь позади было почти полторы тысячи представлений, контракты продлевались от раза к разу, и актеры оказались накрепко связанными, а импресарио, взяв дело целиком в свои руки, использовал щедрый юношеский пыл, чтобы выколотить побольше денег.

Итак, для Рут театр стал не широкими дверьми в драматическое искусство, куда она хотела бежать от жизни, а Чертовым островом¹.

Те редкие бенефисы, в которых ей позволялось участвовать в парике Порции или в одеждах какой-нибудь Ифигении, были для Рут слабым утешением, ибо публика под любым костюмом искала привычный кринолин, а в словах, по замыслу принадлежавших Антигоне², ей слышались интонации Арабеллы, той самой, которая как раз в этот момент на сцене, в ситуации, признанной критиками в высшей степени умной, училась

¹ *Чертовым островом* — подразумевается один из трех островов Спасения, названных из-за миссионеров, спасавшихся там от чумы. Однако Чертов остров вошел в историю благодаря скандальному «Делу Дрейфуса». Именно на этот остров отправили в ссылку Альфреда Дрейфуса — французского офицера еврейского происхождения, которого обвинили в государственной измене.

² *Порция* — жена Децима Юния Брута, вошедшего в историю как один из убийц Цезаря. Здесь подразумевается героиня шекспировской трагедии «Юлий Цезарь».

Ифигения — дочь Агамемнона, принесенная в жертву, чтобы умиловить богиню охоты и целомудрия Артемиду. Ифигения стала героиней трагедий Еврипида, Эсхила и Гете.

Антигона — дочь царя Эдипа и Иокасты, героиня появлялась в трагедиях Софокла «Эдип в Колоне» и «Антигона».

у Бута¹ правильно произносить по-латыни фразу: *Sic semper tyrannis*. Надо было обладать огромным талантом трагической актрисы, чтобы суметь избавиться от паразита, пившего ее кровь, приставшего к ней, словно неизлечимая болезнь. Не раз Рут хотела нарушить контракт, но в ответ на эти попытки ее лишали ролей. И случилось так, что Рут, начавшая учить эту роль, когда ей было тридцать, в тридцать пять повторяла все те же жесты и произносила одни и те же слова в каждый из семи вечеров недели, не считая субботы, воскресенья, праздничных дней и летних гастролей, когда приходилось играть еще и днем. Успех пьесы постепенно разлагал ее исполнителей, которые старились на глазах у публики, ни разу не сменив своих костюмов. И однажды один из актеров сразу после вечернего спектакля — едва опустился занавес — умер от инфаркта; труппа, собравшаяся на следующее утро на кладбище, явила миру выставку траурных нарядов и чем-то напоминала дагерротип. С каждым днем испытывая все большую горечь и все меньше веря в возможность чего-нибудь добиться в искусстве, которое она, несмотря ни на что, глубоко и искренне любила, жена моя поддалась, и автоматизм будней засосал ее точно так же, как и меня. Прежде Рут, по крайней мере, старалась сохранить актерский темперамент, не уставая повторять те великие роли, которые она все-таки надеялась когда-нибудь сыграть. Она тешила себя надеждой,

¹ *Джон Уилкс Бут* (1838—1865) — американский актер, убийца Авраама Линкольна, 16-го президента США. Во время смешной сцены в театре он вошел в ложу президента и выстрелил, рассчитывая, что звук потонет во взрыве хохота. При этом Бут воскликнул: «Такова участь тиранов!» — слова, которые в момент смерти Юлия Цезаря якобы произнес Марк Юний Брут.

что упражняется в искусстве перевоплощения, и бралась то за роль Норы, то за роль Юдифи, Медеи или Тесс¹. Однако надежда эта в конце концов разбивалась о печаль монологов, которые она вела один на один с зеркалом.

Актриса и служащий живут по разному времени, и как ни пытались мы наладить совместную жизнь, в конце концов стали спать отдельно. По воскресеньям раз в неделю я приходил в постель к Рут и выполнял то, что принято считать супружеским долгом, хотя и не был при этом совершенно уверен, что это отвечало истинным желаниям Рут. Вполне вероятно, что и она, в свою очередь, считала себя обязанной поддерживать это еженедельное физическое общение, поскольку собственноручно поставила свою подпись под нашим брачным контрактом. Я же поступал так потому, что не считал себя вправе отказаться и не удовлетворять те потребности, которые мне положено удовлетворять, а кроме того, это на неделю успокаивало мою совесть. Как ни пресны были эти объятия, они все же скрепляли наши узы, ослабевавшие оттого, что каждый жил своей жизнью. Тепло наших тел снова создавало ощущение близости — эти краткие мгновения словно опять возвращали нас к тому, что некогда, в давние дни, было очагом. Мы поливали герань, о которой целую неделю — с прошлого

¹ *Нора* — героиня пьесы Г. Ибсена «Нора, или Дом, где не водятся дети», решившая бросить мужа.

Юдифь — библейская героиня, спасшая свой город от нашествия ассирийцев.

Медея — героиня древнегреческих трагедий, убившая своих детей из-за мести мужу.

Тесс — главная героиня романа Т. Гарди «Тесс из рода д'Эрбервилль».

воскресенья — ни разу не вспоминали, перевешивали на другое место картину, подсчитывали расходы. Но очень скоро бой часов на ближней башне напоминал нам о том, что час добровольного заключения Рут приближается. И каждый раз, отпуская ее на спектакль, я испытывал такое чувство, словно провожал свою жену в тюрьму, где ей суждено отбывать пожизненное заключение. Звучал выстрел, и с колосников падало чучело птицы — так заканчивалась наша совместная жизнь, наш единственный в неделю Седьмой День¹.

Однако сегодня обычное течение воскресного дня нарушилось, и виной тому была таблетка снотворного, которую мне пришлось принять перед рассветом, — что-то не шел ко мне в эту ночь сон, как приходил он обычно, стоило мне, по рецепту Муш, положить на глаза черную повязку. Проснувшись, я обнаружил, что жена уже ушла; вынутое из комода и разбросанное повсюду белье, тюбики театрального грима по углам, брошенные где попало пудреницы и флаконы говорили о том, что предстоит неожиданный отъезд.

И вот Рут под аплодисменты покинула сцену и, на ходу расстегивая крючки на корсаже, вошла в свою уборную, где я ждал ее. Она захлопнула дверь ногой — точно так, как проделывала это много раз, отчего даже дерево внизу двери стесалось; стянув через голову криолин, она швырнула его на ковер, и криолин разлетелся по всей комнате, от стены до стены. Освободившееся от кружев тело Рут вновь предстало мне неизведанным

¹ *Седьмой День* — намек на религиозную секту «Адвентисты седьмого дня». Они проповедуют скорое пришествие Мессии и святое сохранение субботы в качестве дня отдыха.

и желанным, но не успел я потянуться к нему с лаской, как нагота его скрылась под бархатом, упавшим вдруг откуда-то сверху, и сразу пахло чем-то с детства знакомым — точно так же пахли вещи, которые моя мать прятала в потайных уголках своего шкафа из каобы. Гнев поднялся во мне, гнев против этой глупой профессии, заключавшейся в притворстве, которая теперь всегда вставала между нами, словно меч ангела из какой-нибудь агиографии¹; гнев против пьесы, которая разделила надвое наш дом и швырнула меня в другой; в дом, где стены были украшены знаками Зодиака и где любое мое желание встречалось с распростертыми объятиями. И случилось так потому, что, всей душой желая видеть счастливой Рут, которую тогда страстно любил, я принес в жертву ее так неудачно начавшейся театральной карьере свою судьбу и поступил на службу, которая давала нам средства к существованию, но стала для меня точно таким же заточением, каким для Рут стал театр.

Стоя ко мне спиной, Рут разговаривала, глядя на меня в зеркало и не переставая пачкать свое живое лицо жирным гримом; она рассказала, что сразу же по окончании спектакля они всей труппой отправятся на гастроли в другой конец страны и что она уже отнесла в театр свои чемоданы. Она рассеянно спросила, как прошел вчера просмотр фильма. Но только я собрался рассказать об успехе и напомнить ей, что конец этой работы означал для меня начало отпуска, как в дверь постучали. Рут поднялась; в который раз у меня на глазах превращалась

¹ *Агиография* — научная дисциплина, изучающая жития святых и богословские аспекты святости.

она из моей жены в героиню. Приколов к талии искусственную розу, Рут, словно извиняясь, поглядела на меня и направилась к выходу на сцену, туда, где только что поднялся занавес, выпустив в зал волны пропахшего пылью и ветхим деревом воздуха. Она еще раз оглянулась, помахала мне на прощанье рукой и пошла по тропинке, окаймленной карликовыми магнолиями. У меня не было ни малейшего желания ожидать следующего антракта, во время которого бархатное платье будет меняться на атласное, а на слой старого грима будет накладываться новый. И я вернулся домой, в наш дом, где и сейчас, когда Рут уже не было там, все напоминало о ней в этом беспорядке, вызванном поспешным уходом. Подушка еще хранила след ее головы; на ночном столике остался недопитый стакан воды с какими-то осевшими на дно зелеными каплями, тут же лежала раскрытая на недочитанной главе книга. Еще не просохло пятно от пролитого лосьона. В записке, которой я не заметил в первый раз, сообщалось о неожиданном отъезде: «Целую. Рут. P. S. В письменном столе бутылка хереса».

Жуткое чувство одиночества охватило меня. Впервые за одиннадцать месяцев я оказался совершенно один. Не было никакого дела, за которое срочно надо было приниматься, и некуда было торопиться из дому. Шум и сумятица киностудии были далеко, а здесь царил тишина, которую не нарушали ни бездушная магнитофонная музыка, ни громовые голоса. И именно потому, что делать было нечего, все сильнее становилось предчувствие какой-то неясной опасности. Я вдруг смутился, почувствовав, что в этой комнате, сохранявшей еще аромат духов ушедшей отсюда женщины, я готов

затеять разговор с самим собой. И тут же поймал себя на том, что уже разговариваю вполголоса. Я снова лег в постель и, глядя в потолок, постарался вспомнить последние годы. И ясно увидел, как они пробежали, от осени к весне, когда на смену северным ветрам приходила жара и асфальт становился мягким; годы бежали, а у меня не было времени прожить их, и только из меню в ночном ресторане я неожиданно узнавал, что вернулись из теплых краев дикие утки, или что разрешена ловля устриц, или что созрели каштаны. Иногда о смене времени года напоминали мне красные бумажные колокольчики, появлявшиеся в витринах магазинов, или грузовики, привозившие в город рождественские деревья, запах которых на несколько секунд словно преображал улицы. Но были в моей жизни провалы — целые недели, не оставившие по себе ни одного мало-мальски стоящего воспоминания, ни следа какого-нибудь из ряда вон выходящего чувства или глубокого и длительного волнения; целая вереница дней, когда, что бы я ни делал, мне неизменно казалось, что точно то же самое и в подобных обстоятельствах я уже делал раньше, — уже сидел вот так на этом самом месте, рассказывал эту самую историю, точно так же глядя на парусник под стеклом пресс-папье. И, отмечая день своего рождения в кругу одних и тех же примелькавшихся лиц, в том же самом месте и под ту же самую подхватываемую хором песню, я постоянно ловил себя на мысли, что этот день рождения разнится от предыдущих лишь тем, что добавилась еще одна свеча на именинном пироге, по вкусу ничуть не отличавшемся от предыдущих. Подниматься и спускаться по склонам этих дней, с одним и тем же грузом на плечах, я заставлял себя

лишь усилием воли, которая все равно сдала бы в один прекрасный день, и, быть может, как раз в один из дней этого года. Однако в мире, где мне выпало жить, уйти от этого было все равно что пытаться оживить сказания о подвигах святых и героев. Ибо нам выпало жить в эпоху Человека-осы, Человека-никто, в эпоху, когда души продаются не Дьяволу, а Бухгалтеру или галерному надсмотрщику. И, увидев, что бунтовать бесполезно, потому что, по существу, позади у меня уже две погубленные юности: одна по ту сторону моря, а здесь вторая, — поняв это, я решил, что едва ли смогу обрести иную свободу, кроме той, которую дают мне мои бесшабашные ночи, до краев наполненные самыми необузданными развлечениями. Душа моя на день запродана Бухгалтеру — думал я о себе в шутку; но ему, Бухгалтеру, и невдомек, что по ночам я совершаю удивительные путешествия по лабиринту невидимого ему города, города в городе; там где-нибудь в «Венусберге»¹ или в доме, украшенном созвездиями, я мог забыть о прожитом дне, если разбуженные вином прихоти порока не влекли меня в тайные места, у входа в которые человек оставляет свое имя.

Отсидевшая на службе один на один с точными приборами — часами, хронометрами и метрономами, — целый день при электрическом свете в комнате без окон, стены которой обиты войлоком и изоляционными материалами, вечером я выходил на улицу и инстинктивно искал развлечений, которые позволили бы мне не замечать хода времени. Повернувшись спиной к часам, я пил и раз-

¹ *Венусберг* — по-другому «Венерина гора», на которой, по народному сказанию, гости Венеры наслаждаются беззаботной жизнью до Страшного суда. Здесь — название кабачка.

влекался до тех пор, пока выпитое вино и усталость не швыряли меня к ногам будильника, и тогда я пытался заснуть, положив на глаза черную повязку, отчего становился похожим на отдыхающего Фантомаса...

Это смешное сравнение развеселило меня. Я осушил большой стакан хереса в надежде заглушить не унимавшийся во мне внутренний голос. Херес разбудил вчерашний алкоголь, и я высунулся в окно в комнате Рут, отметив про себя, что аромат, оставленный Рут, уже начал отступать перед запахом ацетона. Сквозь белесый туман, который только и был виден, когда я проснулся, начинало проступать лето с его пароходными гудками, несущимися с реки на реку через крыши домов. Наверху, в клочьях таявшего тумана тонули вершины города: нетускнеющие шпили католических храмов, купола православной церкви и здания огромной клиники, где священнодействовали жрецы в белых мантиях, — здания с классическими антаблементами, чересчур придавленными высотой постройки — творение архитектуры начала века, когда архитекторы потеряли чувство меры в своем стремлении уводить здания ввысь. Массивный и безмолвный морг, с его бесконечными коридорами, одновременно напоминавший синагогу и концертный зал, выглядел серой тенью громады родильного дома; по фасаду родильного дома, лишённого каких бы то ни было украшений, тянулся ряд как две капли воды похожих одно на другое окон; их я обыкновенно принимался пересчитывать, лежа по воскресеньям в постели жены, когда все темы для разговора были исчерпаны. От асфальтовой мостовой поднимался голубоватый удушливый дымок выхлопных газов и смешивался с бесчислен-